

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х19

Художественное оформление серии *Петра Петрова*

В оформлении обложки использована иллюстрация:
Barandash Karandashich / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Ханов, Булат Альфредович.

Х19 Гнев : роман / Булат Ханов. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-100009-7

Стареющий интеллигент Глеб Викторович Веретинский похож на набоковского Гумберта: он педантично элегантен, умен и образован, но у него полный провал по части личной жизни, протекающей не там и не с теми, с кем мечталось. К жене давно охладел, молодые девушки хоть и нравятся, но пусты, как пробка. И спастись можно только искусством. Или все, что ты любил, обратится в гнев.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100009-7

© Ханов Б., текст, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

«Бюргер, чья жизнь расщеплена на сферу бизнеса и частной жизни, чья частная жизнь расщеплена на сферу репрезентированности в обществе и интимную, чья интимная жизнь расщеплена на угрюмое брачное сожителство и горькое утешение полного одиночества, разлада с самим собой и со всеми, виртуально уже является нацистом, одновременно и воодушевленным и все и вся поносящим, или же сегодняшним обитателем большого города, способным представить себе дружбу только в виде «социального контакта».

*М. Хоркхаймер, Т. Адорно.
«Диалектика Просвещения.
Философские фрагменты»¹*

¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. — Перевод с немецкого М. Кузнецова. — М. — СПб.: Медиум, Ювента, 1997. — 312 с.

Сентябрь

Ведьма элегическая!

Глеб провел пальцем по экрану, чтобы перезапустить видео.

Это же надо. Накраситься поздним вечером, надеть кремовое платье в кукольном стиле, зажечь свечи, оседлать подоконник, взять в тонкую белую руку томик лирики и зачитать с ученической выразительностью, как в пятом классе перед доской, «Гимн Красоте». И добавить к видео подпись, чтобы до всех дошло: «Это Бодлер случайно попался на глаза...»

Стройный ряд подписчиков из «Инстаграма» всерьез ведь решит, что Алиса окружает себя свежими цветами и то и дело — случайно, само собой — натывается на классиков, разбросанных по квартире. Глеб-то знал, что без штукатурки на лице и без платья, делающего Алису похожей на нежную и возвышенную девочку, в кадре останется лишь опошленное

бездарной читкой и манерным обрамлением стихотворение великого поэта.

Человеку двадцать шесть лет, между прочим.

Ирония в том, что, вздумай Глеб воткнуть зубокальный комментарий, его бы упрекнули. Сочли бы оскорбленным бывшим и сказали бы, что нужно сохранять лицо после поражения. Обвинили бы в низости, злорадстве и — ключевое — в поведении, недостойном мужчины.

Чтобы отвлечься, Веретинский отложил телефон в сторону и снова уставился в монитор. Кем же надо быть, чтобы субботним вечером править годовой план. В одиночку. На кафедре. Выцеплять нестыковки в программе, которую затем бедолага из канцелярии, проклиная свою долю, будет проверять на предмет нестыковок.

У Глеба имелось марксистского рода подозрение насчет того, почему преподавателей, прикрываясь благой идеей контроля за качеством, нагружали отчетами, рейтингами, справками, планами, списками, сведениями, анкетами. Те, кто наверху, преследовали задачу держать слуг режима в постоянной занятости. Примерно по тем же соображениям детей заставляли таскаться в школу — чтобы не слонялись по улицам без дела.

Едва справишься, поднимешь голову, разомнешь одеревенелую шею, бегом отнесешь все папки в учеб-

но-методический отдел, уже пора строчить статьи — для РИНЦ, для ВАК, для «Скопус». Сначала ты работаешь на индекс Хирша, затем... Хотя нет, ты всегда на него работаешь. Индекс Хирша — мерило твоей интеллектуальной пригодности.

В дверь аудитории постучали. В образовавшемся зазоре показалось лицо робкой мальчишечьей породы Типичный филолог-пацан, щуплый, невзрачный, в потертых джинсах и помятой толстовке.

— Здравствуйте, Глеб Викторович! Разрешите?

— Валяй.

Студент переступил через порог и застыл у книжного шкафа, напряженно всматриваясь в корешки за пыльным стеклом, будто и правда был увлечен кафедральными изданиями. На майский зачет Алмаз по надуманной причине не явился, а на июньской пересдаче Веретинский загонял его по полной. Все равно стипендию парень, как должник, уже потерял. В итоге Алмаз завалил и вторую попытку, долг перекинулся на осень. Теперь от решения Глеба зависело, отчислят заблудшего воробушка или нет.

Студент прошествовал за длинный кафедральный стол и вопросительно приподнял бровь.

— Ручку с листочком доставать?

— Не надо.

Глеб свернул окошко с годовым планом, встал из-за компьютера и подсел к парню, сцепившему руки

в замок. Тот, должно быть, гадал, до каких пределов простираются жестокие и гнусные помыслы Глеба Викторовича.

Алмазу бы побывать на randevу с профессором Щегловым с журфака. Вот уж кто обрел бы себя в инквизиции. Сперва выбросит корявую остроту про «неприлично отросшие хвосты», затем примется вытрясать из жертвы содержание курса, а напоследок замучит высокоморальными изречениями. И не факт, что после всего не отправит на пересдачу. Есть типы, которые упиваются чужой ненавистью.

Глеб же не любил, когда его ненавидели.

— Долг у тебя последний? — уточнил он.

— Последний, Глеб Викторович.

— К строевой годен?

Вместо ответа студент растянул губы в кислой улыбке.

— Давай начистоту, Алмаз. У меня нет ни малейшего желания вершить твою судьбу. Мечтаешь носить форму и петь гимн каждое утро — твое право. Я сообщаю об этом в деканат, и ты спокойно ждешь повестки, не трата нервы на стиховедение и прочую ерунду. Хочешь учиться дальше — я расписываюсь в твоей зачетке. Твой выбор?

— Конечно, учиться, — несмело, точно чуя подвох, произнес студент.

— И я так считаю. Не буду пугать тебя марш-бросками и чисткой унитазов зубной щеткой. Лучше приведу в пример своего друга, который отдал армии семь лет. Он банально устал от скуки и рутины. А устав, уволился и открыл свою пекарню. В университете, конечно, тоже есть приказы и распоряжения, но компания поинтереснее, чем в казарме.

— Простите, пожалуйста, Глеб Викторович, что так получилось. В июне, в первый раз, я не пришел, потому что... — затараторил Алмаз.

— Давай уже зачетку. Ведомость принес?

Спустя миг студент извлек из портфеля и зачетку, и ведомость со всеми штампами и печатями. Глеб снял колпачок с ручки и занес ее над раскрытой зачеткой.

— Помнишь хоть, что сдаешь?

— «Анализ лирического произведения».

— Именно. Простой предмет. Если на нем спотыкаться, что тогда впереди?

— Обещаю не запускать процесс, — заверил Алмаз. — Я просто стихи не люблю. Сам удивляюсь, как ЕГЭ сдал.

Глеб отвел занесенную над зачеткой ручку и поднял голову.

— Когда возлюбленную Колчака, Анну Тимиреву, арестовали, Дзержинский велел ее освободить. Мы за любовь не сажаем, сказал он. Знаешь, кто такой Дзержинский?

— Какой-нибудь политик?

На лице Алмаза появилось упадочническое выражение. Видимо, решил, что препод передумал аттестовать без боя.

— В своем роде, — сказал Глеб и проставил зачет, к вящей радости студента. — Мораль сей басни такова, что и любовь, и нелюбовь к стихам не несут за собой юридических последствий. Главное — это все же умение вникать в суть вещей, а не питать к ним симпатию.

Веретинский протянул студенту заветные зачетку и ведомость со словами:

— Как ни парадоксально, лучше разбираться в стихах, чем получать от них наслаждение без понимания.

Перед глазами Глеба встала Алиса с Бодлером в ее исполнении. Жуть inferнальная. Впрочем, кому как.

Благодарный студент выскользнул за дверь. В сущности, не вина Алмаза, что его вынуждают соответствовать стократ поруганным и попраным просвещенческим идеалам.

Глеб мог поручиться, что студент раструбит одноклассникам, как странно вел себя препод, какую пошлость чушь. Дзержинским страдал.

А Тимиреву все-таки посадили.

От дома Глеба отделяли двенадцать минут при условии, что он выбирал вальяжный шаг трудового обывателя, честно расправившегося с рабочим днем и незаметно для себя угодившего в бытийный зазор между функцией служебного винтика и статусом ответственного семьянина.

Сегодня Веретинский изменил маршрут и двинулся в противоположную от дома сторону. Путь пролегал к «двойке», университетскому корпусу, который часто мелькал на казанских открытках. Глеб учился в нем в славные времена, до реструктуризаций и кадровых трясок. Тот университет ассоциировался с Толстым, Лобачевским, Бутлеровым и Лениным и представлял самобытным пространством со своими милыми академическими излишествами, традициями, ритмом, почерком, а не частью огромного империалистического проекта, как сейчас. Теперь здесь время от времени появлялись с пламенными лекциями агитаторы